

ПОДГОТОВКА СОЮЗНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 220–217 гг. до н. э.: БОРЬБА ЗА СПАРТУ

Н.Ю. Сивкина

В 224 г. до н.э. в ходе Клеоменовой войны, потерпев ряд поражений от спартанцев, ахейский стратег Арат обратился к македонскому царю Антигону Досону с инициативой образования Эллинской лиги. Кроме Македонии и Ахейской федерации в союз вступили и другие греческие государства. Полибий приводит противоречивые списки участников этого альянса¹, что породило широкую дискуссию среди исследователей. В частности, по вопросу о членстве Спарты в лиге мнения ученых существенно расходятся.

Согласно одной версии, Спарта после поражения в Клеоменовой войне, то есть в 222 г., стала членом лиги². К сожалению, Полибий прямо не говорит об этом, он лишь намекает на этот факт в нескольких пассажах. Например, в тексте речи македонского царя Филиппа V (IV. 24. 4–6), или сообщая, что, когда послы Эллинской лиги были отправлены по решению синедриона к союзникам для ратификации решения о войне с этолийцами (Polyb. IV. 26. 2), они прибыли и в Спарту (IV. 34. 1).

Однако другие сведения Полибия позволяют усомниться в участии Спарты в союзе. Во-первых, прослеживается явное противопоставление спартанцев членам лиги: этолийцы накануне войны с лигой постановили поддерживать мир со Спартой, Мессенией «и всеми прочими», вероятно, с целью привлечения на свою сторону ахейских союзников (Polyb. IV.15. 8). Кроме того, в другом пассаже спартанские послы пообещали Филиппу «исполнять во всем обязанности союзников» (Polyb. IV. 23. 6), а царь в ответ на это отправил в Спарту посла, призывая их «оставаться дружелюбно расположенными к нему и македонянам...» (Polyb. IV. 24. 8). Спартанцы не упоминаются в числе союзных делегатов в Коринфе (Polyb. IV. 25. 1–4).

Конечно, все приведенные выше примеры показывают, насколько сложно обстоит дело. Тем не менее, можно найти некоторые объяснения столь противоречивым сведениям. Например, отсутствие у Полибия сведений о спартанских синедрах в Коринфе (Polyb. IV. 25) вовсе не доказывает отсутствия самих спартанских делегатов на заседании. Следует вспомнить, что на этой встрече синедриона было много жалоб от союзников на этолийцев, это всеобщее недовольство и послужило причиной решения о войне с ними. Вполне возможно, что у Спарты таких жалоб не было, именно поэтому их представители и не упомянуты в числе присутствовавших. Можно отметить и то обстоятельство, что этолийцы намеренно противопоставляли спартанцев их союзникам (Polyb. IV. 15. 8), вероятно, рассчитывая на отход Спарты от лиги в будущем (что и произошло). В таком случае вполне естественно, что этолийцы должны были постоянно демонстрировать им

свое расположение. Поэтому спартамцам не в чем было обвинить этолян на собрании синедров.

На основании упомянутых пассажей Полибия Б. Шимрон³ считает, что со Спартой действительно был заключен договор, но это была симмахия «с Филиппом и македонянами», поскольку данные Полибия об этом, как он полагает, более внятные, чем об участии спартамцев в Эллинской лиге. Кроме того, по его мнению, Арат, один из «архитекторов» лиги, был заинтересован не во включении Спарты в лигу, а, скорее, в ее аннексии. В противоречии с этой точкой зрения находится мнение Г. Бенгтсона, который полагает⁴, что лишение Спарты независимости не входило в интересы ахейцев и македонян, им было достаточно изгнать царя Клеомена. Н. Хэммонд⁵ также высказывается за существование альянса Спарты с македонским царем, а не с Эллинской лигой. В то же время В.Д. Жигунин⁶ считает, что «Спарта как побежденная держава» вообще не могла быть членом лиги.

Не углубляясь в дискуссию по данному вопросу, можно отметить, что утверждение о членстве Спарты в Эллинской лиге, вероятно, ближе к истине, поскольку для этого имеются два убедительных свидетельства у Полибия. Во-первых, в связи с убийством промакедонски настроенных лиц в Спарте Филипп V поступил так, как и следовало обращаться с союзником. Он придерживался договора лиги: во внутренние дела государства не вмешиваться, пока они не угрожают союзу в целом, ограничиваясь выражением неудовольствия (Polyb. IV. 22–24). Во-вторых, тот факт, что в побежденной Спарте должна была проводиться ратификация положения о войне, выглядел бы довольно странно, если бы спартамцы не участвовали в вынесении самого решения.

Вероятно, Спарту можно считать государством, находившимся на «особом положении» в Эллинской лиге. Включая ее в лигу, союзники поставили это государство под общий контроль. Спартамцам было запрещено (как и другим членам союза) вести самостоятельную внешнюю политику, совершать враждебные действия по отношению к членам лиги под угрозой наказания. Кроме того, в Пелопоннесе был оставлен царский представитель Таврион (Polyb. IV. 6. 4; 87. 8), которому, вероятно, подчинялся уполномоченный по делам Спарты беотиец Брахилл⁷ (Polyb. XX. 5. 12). Таким образом, Спарта находилась под постоянным контролем союзников.

Несмотря на эти предосторожности в Спарте, накануне заседания синедров в Коринфе в 220 г. до н. э., трое эфоров — сторонников Этолии устроили беспорядки, в ходе которых были убиты их противники, вероятно, промакедонски настроенные (Polyb. IV. 22. 4–12). Однако при известии о приближении македонского царя Филиппа V к городу спартамцы выразили ему свою лояльность. Спарта осталась в составе союза, а Филипп воздержался от чрезвычайных мер⁸.

Однако мирный исход этого конфликта, видимо, не разрешил существовавшие в Спарте проблемы. После разгрома Клеомена в 222 г. до н. э. в Спарте было восстановлено прежнее государственное устройство (Polyb. II. 70. 1). Поэтому против лиги были настроены бывшие клеоменисты⁹, те, кто надеялся на продолжение реформ, и молодежь¹⁰. Становится вполне понятным нежелание Спарты участвовать в Союзнической войне на стороне недавних противников. Но нельзя не учитывать того обстоятельства, что открытый отказ от военных действий государства, находящегося под контролем союзников, мог повлечь нежелательные санкции. Поэтому спартамцы предпочли воздержаться от ответа, отложив решение вопроса.

Тем временем подготовка сторон к войне шла полным ходом и не ограничивалась мобилизацией населения и вооружением армий. И ахейцы, и этолийцы стремились обеспечить себе единый фронт союзников, чтобы начать войну в наиболее благоприятных условиях. Казалось, этой цели удалось достичь ахейскому стратегу Арату: позиции Этолии в Пелопоннесе были ослаблены изменой Мессении; в войну с Этолией вступал не только Ахейский союз, но и вся Эллинская лига; сохранялась надежда, что Спарта, к которой союзники проявили терпеливое отношение, воздержится от перехода на сторону врага.

Но за период с осени 220 г. (заседание в Коринфе) до весны 219 г. (выборы у ахейцев) в Спарте произошел государственный переворот. Сначала состоялись выборы новых эфоров. Есть все основания утверждать, что они были проэтолийски настроены (Polyb. IV. 34. 3), поскольку именно по их просьбе в Спарту явился этолийский посол Махат. На собрании он убеждал спартанцев заключить военный союз с Этолией, обвиняя во всех спартанских несчастьях македонян. Тем не менее спор был решен в пользу сохранения союза с Македонией, огромную роль в этом сыграло старшее поколение. Но люди, склонявшие народ на сторону Этолии, не смирились. Во время торжественной процессии у храма Афины молодежь набросилась на эфоров (вероятно, сторонников сохранения мира с Эллинской лигой) и перебила их у алтаря, затем настала очередь геронтов. Из страны были изгнаны противники этолийцев. После этого Спарта заключила союз с Этолийской федерацией (Polyb. IV. 34–35).

В предложенном выше изложении событий следует обратить внимание на противопоставление не только политических противников, настроенных в пользу Македонии или Этолии, но и на противоречия между молодежью и людьми старшего возраста. Полибий, в частности, пишет, что именно молодежь настаивала на выступлении Махата перед народным собранием (Polyb. IV. 34. 5–6), эфоры даже опасались их возмущения. После выступления начались «ожесточенные препирательства» (Polyb. IV. 34. 8), что свидетельствует о бурном эмоциональном подъеме населения. Неудача в народном собрании побудила некоторых эфоров прибегнуть с помощью молодежи к насильственному перевороту (Polyb. IV. 35. 1–5).

Кроме того, можно сделать одно уточнение: не все эфоры разделяли такой способ решения проблемы. Источник, с одной стороны, утверждает, что Махат прибыл по приглашению эфоров (Polyb. IV. 34. 3), а с другой стороны, указывает, что эфоры только под давлением противников и молодежи согласились на выступление Махата в народном собрании (Polyb. IV. 34. 6). В следующем пассаже автор заявляет, что именно эфоры замыслили злодеяние (Polyb. IV. 35. 1), но затем подчеркивает, что молодежь умертвила всех эфоров и выбрала новых из своей среды (Polyb. IV. 35. 3 и 5). Скорее всего, здесь возможны два варианта развития событий: либо историк несколько преувеличил размеры содеянного, и пострадали не все эфоры, что вероятнее, либо ситуация вышла из-под контроля, и у молодежи нашлись собственные лидеры, хотя ни одного из них Полибий не называет.

Примечательно, что, в отличие от Мессении, где в этот же период таким же путем состоялась смена правительства¹¹, в Спарте переворот, видимо, мог произойти без участия внешних сил. Посольство этолян оказалось неудачным, поэтому Махат, как отмечает Полибий (IV. 34. 10), возвратился домой до начавшихся убийств. Конечно, в Спарте существовали сторонники Этолии, однако нет оснований для утверждения, что им была оказана помощь извне. Дело в том, что момент для переворота был выбран весьма удачно: союзники были заняты подготовкой к войне, основное внимание главы Ахейской федерации Арата в это время

также было сосредоточено на проблеме сбора наемников, т.к. в Клеоменовой войне ахейцы не доплатили им жалованье (Polyb. IV. 60. 2). Приближались выборы, военные действия должны были начаться вскоре после этого. Но, с другой стороны, эти же проблемы стояли и перед этолианами. Таким образом, внимание основных противников было отвлечено от Спарты.

Закономерен вопрос: почему в народном собрании не было принято решение о союзе с Этолией, если после переворота этот альянс был легко заключен? Ссылаясь на источник, можно объяснить это позицией старшего поколения. Эфоры, вероятно, знали, что в Спарте враги Эллинской лиги составляли большинство и надеялись провести вопрос о присоединении к Этолии в рамках законности. Однако, по мнению Б. Шимрона¹², высокий возрастной ценз при голосовании отразился в умеренной точке зрения собрания.

Их осторожная позиция выглядела разумно. Поражение в Клеоменовой войне, понесенное от Эллинской лиги, заставляло воздерживаться от необдуманных шагов: силы союзников вновь могли обрушиться на Спарту. С другой стороны, этоляне тоже не внушали им большого доверия, поскольку прежде неоднократно опустошали спартанские земли (Polyb. IV. 34. 9–10).

Что касается молодых людей, которые традиционно придерживаются своих, революционных, взглядов, то в тексте источника есть указание на то обстоятельство, которое побудило их взяться за оружие. Недавнее поражение в войне и продиктованные условия мира, вероятно, расценивались как унижительные события прошлого. Надежда на исправление существующего положения, видимо, возродилась сначала слухами о необходимости возвращения изгнанного царя Клеомена. Намек на это можно усмотреть у Полибия (IV. 35. 6). Позднее возрождение Спарты связывалось с восстановлением прежних порядков. Таким образом, можно предположить, что проэтолийски настроенные эфоры, не добившись в народном собрании нужного им решения, обратились к чувствам национальной гордости спартанцев и подняли молодежь на переворот.

В таком случае закономерен вопрос: чем было вызвано убийство самих эфоров. Вероятно, недовольство молодежи касалось не только насильственного включения в лигу, но и собственного государственного устройства. Как уже отмечалось, последние годы они жили без царей, в сущности, вся политика была сосредоточена в руках эфоров. Даже известие о смерти Клеомена в Египте не изменило положения вещей. Именно в это смутное время, уже после гибели Клеомена, был поднят вопрос о восстановлении царской власти (Polyb. IV. 34. 5). Примечательно, что эфоры уклонились от немедленного решения (Polyb. IV. 34. 6). Согласно изложению Полибия, лишь после расправы вновь выбранные эфоры назначили двух царей.

Таким образом, вероятно, можно говорить о переплетении внутренних и внешних проблем в Спарте. С одной стороны, и эфоры, и молодежь были настроены на заключение союза с Этолией против Эллинской лиги. Но, с другой стороны, гибель эфоров от рук молодых мятежников была вызвана нежеланием их потерять реальную власть. Впрочем, для новых эфоров, видимо, этот вопрос оказался не менее принципиальным. Примечательны фигуры назначенных царей. Одним стал Агесиполид, внук Клеомброта, но в то время еще ребенок. В другом царском доме было достаточно претендентов на трон, тем не менее вторым царем был выбран Ликург, который не имел прямого отношения к царскому роду, но дал всем эфорам взятку (Polyb. IV. 35. 10–14). Тем не менее, некоторые исследователи считают, что он все же принадлежал к боковой ветви дома Эврипонтидов¹³.

Именно Ликург возглавил спартанское войско и вторгся в аргивские земли (Polyb. IV. 36. 4). Этот факт весьма показателен. Полибий сообщает, что Махат в ходе вторичного посещения уговорил спартанцев объявить войну ахеянам (Polyb. IV. 36. 1). Однако сначала Ликург нападает на шесть аргивских городков. Этот поход явно не имеет отношения к назревавшей войне между Этолией и Эллинской лигой. Аргос не входил в лигу, поэтому вторжение спартанцев невозможно оправдать совместными действиями новых союзников. Скорее всего, акция носила самостоятельный характер и имела целью удовлетворение требований молодежи о возвращении былой воинской славы. Вполне вероятно, до 222 г. эти города могли контролироваться спартанцами, поэтому возвращение их было своеобразной демонстрацией силы. Только после этого похода Ликург избрал своей целью земли ахеян (Polyb. IV. 36. 6).

В результате, по словам историка, обстановка накануне войны была благоприятной для этолян (Polyb. IV. 36. 8): на их стороне выступила Спарта, а основной противник — македонский царь был долго занят военными приготовлениями. Фактически этолийцам удалось разбить единый фронт пелопоннесцев еще до начала боевых действий.

Однако последнее утверждение представляется не вполне точным. В случае со Спартой этолийцам не пришлось прилагать значительных усилий, чтобы организовать ее разрыв с союзниками. Правильнее было бы говорить, что они смогли воспользоваться результатом переворота.

Также не представляется возможным утверждать, что ахейцы, со своей стороны, предпринимали какие-либо меры для удержания союзника. Об этом не сохранилось никаких свидетельств. Не вполне ясна судьба Брахилла, в обязанности которого входило наблюдение за этим регионом. Возможно, он погиб задолго до переворота, еще накануне встречи синедров в Коринфе. Никакой реакции на переворот не последовало и от царского представителя в Пелопоннесе Тавриона, основной функцией которого было сохранение мира на полуострове. Нейтральная позиция столь заинтересованного лица объясняется тем обстоятельством, что его внимание, видимо, было отвлечено другим переворотом, который произошел несколько раньше в Мессении.

Иными словами, принимая во внимание вышесказанное, можно отметить, что ни открытой, ни дипломатической борьбы за Спарту не существовало. В силу сложившихся обстоятельств у спартанцев не было другого выхода, кроме как присоединиться к Этолии.

Примечания

1. Polyb. IV. 9. 4: Фессалия, Эпир, Ахейский союз, Акарнания, Фокида, Беотия, Македония; Polyb. IV. 15. 1: Македония, Эпир, Ахейский союз, Акарнания, Беотия, Фокида; Polyb. IX. 38. 5: Фессалия, Эпир, Ахейский союз, Акарнания, Беотия; Polyb. XI. 5. 4: Фессалия, Эпир, Ахейский союз, Акарнания, Беотия, Фокида, Эвбея, Опунтская Локрида; Polyb. IV. 29. 7: иллирийцы под предводительством Скердилаида; Polyb. IV. 55. 2: некоторые города Крита; Polyb. IV. 15. 2 и 16. 1: Мессения. Подробнее см.: Сивкина Н.Ю. Состав Эллинской лиги 224 г. до н. э. // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова. Н. Новгород, 1998. С. 43–48.

2. Самохина Г.С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 109; *Fine J.* The Background of the Social War of 220–217 B.C. // *AJPh.* 1940. V. 61. P. 152; *Larsen J.* Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968. P. 325; *Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren Staats- und volkerrechtlichen Beziehungen. Leipzig, 1937. S. 30; *Walbank F.W.* A historical commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957. P. 457; *Hammond N.G., Walbank F.W.* A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 362.
3. *Shimron B.* Late Sparta. The Spartan revolution 243–146 B.C. Buffalo, 1972. P. 68.
4. *Bengtson H.* Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Dons. Bayer. Akad. Wiss. München, 1971. S. 49.
5. *Hammond N., Walbank F.* Op. cit. P. 372. Not. 1.
6. *Жигунин В.Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980. С. 159.
7. *Самохина Г.С.* Указ. соч. С. 117.
8. По версии Плутарха, Арат внушил царю мысль воздержаться от наказания спартанцев (*Plut.* Ar. 48. 5). Однако Хэммонд полагает, что это решение принадлежало самому Филиппу, Арат едва ли был с ним, поскольку должен был заниматься сбором войск Ахейского союза (*Hammond N., Walbank F.* Op. cit. P. 373. Not. 1). Думается также, что нельзя не учитывать еще одно обстоятельство: македонский царь в начале своего правления стремился к сотрудничеству с греками и сохранению Общего мира (*Polyb.* IV. 16. 2–3).
9. Новые спартиаты должны были быть фанатично преданы государственному деятелю, повысившему их статус, они не могли освободиться от этого чувства: *Ласи Р.М.* Применимость понятия революции к реформам Агида, Клеомена и Набида в Спарте // ВДИ. 2002. № 4. С. 83 сл.
10. *Shimron B.* Op. cit. P. 70 f.
11. О перевороте в Мессении см.: *Polyb.* VII. 10. 1; *Roebuck C.A.* A history of Messenia from 369 to 146 B.C. Chicago, 1941. P. 81 ff.; *Mendels D.* Messene 215 B.C. An enigmatic revolution // *Historia.* 1980. Bd. 29. P. 247 ff.; *Сивкина Н.Ю.* Государственный переворот в Мессении в 220 г. до н. э. // Античный мир. Белгород, 1999. С. 26–37.
12. *Shimron B.* Op. cit. P. 70.
13. *Walbank F.W.* Op. cit. P. 484.